

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500

EDN: ADLXQU

Научная статья / Research article

Категория залога в чувашском языке

Э.Е. Лебедев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ edlebed@gmail.com

Аннотация. В традиции чувашского языкознания залого глагола в последнее время не выделяются в отдельную словоизменительную категорию. Формы с этими значениями обладают особыми признаками, среди которых главным является неспособность соответствующих аффиксов сочетаться со всеми глаголами. Именно из-за их нетотальности чувашские языковеды относят эти формы к сфере словообразования. Вопрос определения грамматического статуса указанных форм актуален по причине необходимости установления точного состава грамматических форм и категорий глагола в чувашском языке. Рассмотрена краткая история изучения глагольных форм с залоговыми значениями в чувашском языкознании, проводится сопоставление с подобными формами в других тюркских языках. В свете тенденций развития исследований глагольной морфологии в современной отечественной тюркологии автором для решения сложных вопросов грамматики предложено применение функционально-семантического подхода, который во главу угла ставит содержательную сторону языкового знака. В соответствии с ним для определения грамматического статуса формы в первую очередь должен быть задействован семантический фактор. В случае с залогом необходимо установить, образуется ли при присоединении соответствующего аффикса новое слово или он служит лишь для изменения формы слова. Так как значениями залога признается передача различных субъектно-объектных отношений, автор приходит к выводу, что в случае с указанными формами нового слова не образуется, так как действие остается прежним. Следовательно, здесь налицо словоизменительный процесс и эти формы составляют словоизменительную категорию глагола.

Ключевые слова: категория залога, понудительный залог, возвратный залог, словоизменительная категория

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Лебедев Э.Е.* Категория залога в чувашском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 489–500. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500>

© Лебедев Э.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Category of Voice in the Chuvash Language

Eduard Ev. Lebedev

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ edlebed@gmail.com

Abstract. In traditional Chuvash linguistics, the voices of a verb have not been recently singled out as a separate inflectional category. The forms expressing such meanings have special features; the main one is the inability of corresponding affixes to combine with all verbs. Thus they are referred to the sphere of word formation. The problem of determining the grammatical status of these forms is relevant because of the necessity to establish the correct composition of grammatical forms and categories of the verb in the Chuvash language. The article deals with a brief history of verb forms' study with voice meanings in the Chuvash linguistics and they are compared with similar forms in other Turkic languages. According to the author, the application of functional-semantic approach to solve complex grammatical questions, in particularly the content side of language sign is of primary in the light of the development of verb morphology research in modern Russian Turkology. Due to this the grammatical status determination of a form should be considered through the semantic factor. Analyzing the voices it is necessary to establish either the corresponding affix attachment forms a new word or it serves to change the word form. Since the meanings of the voice are stated to convey various subject-object relations, the author concludes that these forms do not form a new word as the action remains unchanged. Consequently, there is a word-formation process and these forms constitute the word-formation category of the verb.

Key words: category of voice, incentive voice, reflexive voice, inflectional category

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Lebedev, E.E. 2025. "The Category of Voice in the Chuvash Language." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 489–500. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500>

Введение

Изучение форм, передающих залоговые значения в чувашском языке, имеет относительно долгую историю. Уже в «Сочинениях, принадлежащих грамматике чувашского языка», упоминается значение страдательного залога [1. С. 49], а в списке, представленном в издании на страницах 52–62, имеются глаголы, оформленные аффиксами залогов (прежде всего понудительного) [1. С. 52–62]. Но собственно научное изучение этих форм начинается с работы Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка» [2]. Несмотря на то, что со времени выхода этого труда прошло более 120 лет, вопрос о грамматической природе залога в чувашском языке, по нашему мнению, остается открытым и по сей день, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи. Ее цель — раскрыть основные особенности чувашских форм со значениями залогов и на базе этого обосновать наличие (или отсутствие) словоизменительной категории залога.

Обсуждение

Обзор литературы по этому вопросу будет правильным начать именно с упомянутой выше монографии Н.И. Ашмарина. Описание соответствующих форм автор приводит в разделе, посвященном словообразованию глагола, в соответствии с чем мы можем судить о его отношении к грамматической сути залога. По мнению ученого, страдательный залог в чувашском языке отсутствует, а аффиксы *-н* и *-л* образуют только форму возвратного залога [2. С. 292–293]. Также им отмечается, что примеры со взаимным залогом «не очень многочисленны» и что его формы образуются при помощи аффиксов *-ш* (*-ӓш/-ӓш*) и *-ç* [2. С. 295]. Автор приводит случаи, когда глаголы с залоговыми аффиксами не имеют исходной формы, и случаи образования глаголов при помощи тех же аффиксов от именных частей речи [2. С. 292–296]. Основное внимание ученого уделено наиболее распространенной залоговой форме в чувашском языке — форме понудительного залога. Среди аффиксов, образующих эту форму, он указывает такие как *-ар/-ер*, *-т*, *-тар/-тер* и *-ттар/-ттер* [2. С. 302–307]. В работе приводится достаточно точный анализ семантики и особенностей залоговых форм.

Продолжая традицию, начатую Н.И. Ашмариным, В.Г. Егоров в разделе коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология», посвященном глаголу, также признает формы залогов словообразовательными. Им рассматриваются возвратный, страдательный, взаимный и понудительный залоговые группы так называемых возвратно-средних глаголов [3. С. 166–176]. Ученый, в отличие от Н.И. Ашмарина, выделяет форму страдательного залога, образуемую при помощи аффикса *-н*, отмечая, что эта категория имеет в чувашском языке «лишь очень слабые зачатки» [3. С. 168]. Определенным шагом вперед является и разбор чувашских глаголов с медиальным значением, круг которых также «крайне ограничен» [3. С.170].

Нельзя здесь обойти вниманием две статьи Г.Е. Корнилова (одна в соавторстве), опубликованные им в 1969 и 1975 гг., которые несколько выделяются в ряду других работ, посвященных формам и значениям залогов. В них рассмотрены способы передачи значений каузатива [4], пассива и рефлексива [5], и выполнен анализ всех возможных оппозиций и диатез, образующихся лексическим или грамматическим способом в чувашском языке. Статьи имеют большое значение в вопросе создания общей теории каузативности, рефлексива и пассива, а также в какой-то степени — в области прикладного языкознания. Позиция автора в отношении грамматического статуса соответствующих форм однозначная — они, по его мнению, являются «словообразующими» [5. С.47].

В монографии 1965 г. И.П. Павлова «Хальхи чӑваш литературӑ чӑлхи. Морфологи» говорится о категории залога в чувашском языке. Так как

параграф, посвященный этой категории, представлен в разделе «Глаголсен пулăвĕ» (Словообразование глагола), можно предположить, что речь идет о словообразовательной категории [6. С. 207–215]. Автор утверждает, что, по мнению тюркологов, аффиксы залога произошли от словообразовательных аффиксов, и в чувашском языке словообразовательная природа форм таких залогов, как возвратный и взаимный, наблюдается особенно ярко. Она проявляется в отсутствии у них способности сочетаться со всеми глагольными основами — на эту способность влияют как лексическое значение глагола, так и значение аффикса. Страдательный же залог и вовсе не развился, объединившись с возвратным [6. С. 207]. В ряду чувашских форм залога ученый выделяет и исследует основной, возвратный, взаимный и понудительный залогов [6. С. 208–215].

М.Р. Федотов в своей работе «Чувашский язык в семье алтайских языков. Часть III» делает упор прежде всего на этимологическую составляющую залоговых форм. Но наряду с этим приводит и некоторые интересные идеи в отношении их семантики, в частности страдательности и возвратности [7. С. 70–74].

В 2012 г. выходит коллективная монография «Чăваш чĕлхи» (Чувашский язык), где параграфы, посвященные формам с залоговыми значениями, подготовил Л.П. Сергеев. Собственно термин «залог» в них даже не упоминается. Автор подробно перечисляет значения этих форм, указывает на их продуктивность или непродуктивность и на другие их основные особенности. Их описание по уже установившейся традиции выполнено в разделе «Словообразование глагола» [8. С. 250–252].

В двух частях монографии И.П. Павлова «Современный чувашский язык», которые вышли в 2014 и 2017 гг., также упоминаются залоговые формы. В первой части ученый рассуждает о наличии омонимии между словообразовательным и формообразующим аффиксом со значением залога. Тем не менее полноценной категории залога, по его мнению, в чувашском языке не установилось, так как ни один из залоговых аффиксов «не употребляется в той мере, какая нужна формообразовательным аффиксам». Другими доводами словообразовательной сущности этих форм у И.П. Павлова являются их зависимость от лексического значения глагола, возможность присоединения к ним других словообразовательных аффиксов (*çапăçу* «битва, драка»), способность к сочетанию двух залоговых форм. Также автор считает, что тенденция к созданию новых форм с указанными значениями в современном чувашском языке заметно ослабла. В синтаксисе наблюдается постепенный отказ от употребления слов в страдательной форме [9. С. 180–181]. Во второй части своей монографии, которая посвящена словоизменительным формам, И.П. Павлов вновь возвращается к категории залога и приводит по сути те же самые аргументы их деривационного характера, к которым добавлены утверждения о невозможности постановки аффиксов отрицания *-ма/-ме* и *-мас/-мес* перед

формой залога и о выражении этими формами семантики переходности и непереходности [10. С. 201–204]. Однако ученый пишет и о морфологических (читай — словоизменительных) свойствах залога в чувашском языке. Прежде всего, это передача значения отношения действия к его производителю, благодаря чему эти формы можно объединить в категорию залога. Кроме того, явную грамматичность демонстрирует понудительный залог, аффиксы которого могут присоединяться ко всем глагольным основам [10. С. 204–205].

Завершаем наш обзор литературы книгой В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование» (2017). Интересующие нас формы ученый рассматривает в параграфе, озаглавленном в виде вопроса — «Есть ли залоговые формы в чувашском языке?». Прежде всего, им приводятся разные точки зрения тюркологов на грамматическую природу залогов в тюркских языках. Часть из них относят залоговые формы к сфере словообразования, другая признает их словоизменительными формами, которые однако не могут сочетаться со всеми глаголами, наконец, третья часть исследователей считает их словоизменительными без каких-либо оговорок только по семантическому содержанию [11. С. 273–274]. Сам В.И. Сергеев придерживается мнения о разнородности залоговых форм в чувашском языке и во главу угла ставит признак тотальности употребления. Если соответствующий аффикс способен сочетаться со всеми глагольными основами, то форма является словоизменительной, если нет — словообразовательной. Соответственно, формы со значениями возвратного, страдательного и взаимного залогов необходимо признать словообразовательными, а формы понудительности, обладающие тотальностью, — словоизменительными. Однако автор идет дальше и утверждает, что такие алломорфы понудительного залога, как *-ap/-ep*, *-am/-em* и *-m*, относятся к словообразованию. А аффиксы *-tap/-ter* и *-mtap/-mter*, по его мнению, являются словоизменительными только тогда, когда участвуют во вторичном залогообразовании — *пӗлтӗрттер* «заставить известить» [11. С. 275–280].

Категория залога в чувашском языке обладает некоторыми примечательными особенностями, которые, впрочем, можно обнаружить и в других языках, относящихся к тюркской языковой семье. По нашему мнению, в исследуемом языке можно выделить три формы с залоговыми значениями (основной залог не входит в этот ряд по причине отсутствия у него формального показателя) — возвратно-страдательный залог с аффиксами *-ӑн/-ӓн* и *-ӑл/-ӓл*, взаимно-совместный залог, образуемый при помощи таких показателей, как *-ӑç/-ӓç*, *-ӑш/-ӓш* и *-аш/-еш*, и понудительный залог с аффиксами *-m*, *-am/-em*, *-ap/-ep*, *-tap/-ter* (*-mtap/-mter*). При этом первые две формы залога обладают небольшой валентностью, сочетаясь с весьма ограниченным кругом глаголов.

Несмотря на то, что не все ученые признают наличие страдательного залога в чувашском языке, мы выделяем его по причине того, что примеры

с формами, обладающими соответствующим значением, все же имеются: *тытӑн* «быть пойманным», *уҗӑл* «открываться», *хупӑн* «закрываться» и др. Однако этот залог объединился с возвратным залогом, и если страдательное значение может передаваться при помощи всех указанных выше алломорфов, то возвратное значение передается по преимуществу посредством аффикса *-ӑн/-ён*. Отметим, что образование формы возвратно-страдательного залога происходит как от непроизводных, так и производных глаголов. В первом случае в качестве основы выступают только глаголы тюркского происхождения, что указывает на их бóльшую древность: *пӑлӑн* «быть загороженным», *пухӑн* «собираться», *витӑн* «покрываться» и др. Среди же форм, образованных от производных глаголов, нередко встречаются и заимствованные основы. Так как большинство из них в свою очередь образуются от словообразовательного аффикса *-ла/-ле*, возвратно-страдательный залог здесь выражается аффиксом *-н*: *пуслан* «начинаться», *хатёрлен* «готовиться», *индустриализацилен* «индустриализироваться» и др. Среди особенностей этой залоговой формы можно выделить то, что иногда она не добавляет никакого дополнительного значения в основу глагола: *канашла* и *канашлан* «советоваться», *хӑр* и *хӑрӑн* «сохнуть». Возможно, в отношении этих примеров можно говорить об исчезновении у формы на *-ӑн/-ён* залоговой семантики. Другой особенностью является то, что в некоторых случаях глагольная основа может принимать оба варианта аффиксов возвратно-страдательного залога без каких-либо отличий в служебном значении: *сарӑл* и *сарӑн* «расстилаться, быть разостланным», *җӑрӑл* и *җӑрӑн* «меситься». Отметим также, что у формы возвратно-страдательного залога может быть особое значение, не связанное ни с возвратностью, ни со страдательностью. В подобных случаях нельзя определить конкретного производителя действия и оно не является возвратным. В тюркологической литературе это значение принято назвать «медиальным» [12. С. 202; 13. С. 497]: *илтӑн* «слышаться», *таврӑн* «возвращаться», *тӑкӑн* «литься», *тӑсӑл* «тянуться» и др.

Взаимно-совместный залог также имеет двойное название, которое отражает два основных значения этой формы — взаимность (действие совершается двумя лицами по отношению друг к другу): *паллаш* «знакомиться», *курӑш* «видеться» и совместность (действие совершается несколькими лицами одновременно): *кӑшкӑраш* «кричать вместе», *шӑтлеш* «перешучиваться». Общей семантикой, позволяющей объединить эти два значения, является совершение действия более чем одним лицом. Неслучайно в некоторых тюркских языках эта форма может передавать и значение множественности [13. С. 531–533]. Среди алломорфов со значением взаимно-совместного залога наиболее древний — *-ӑҗ/-ёҗ*. Он может образовывать соответствующую форму только от непроизводных глагольных основ, что как раз и доказывает его древность: *җанӑҗ* «драться», *тытӑҗ* «хватать друг друга». Другие же алломорфы могут присоединяться и к производным основам, правда, в этих

случаях по законам чувашской морфонологии они теряют начальный гласный и к основе присоединяется аффикс *-ш*: *выляш* «играть вместе», *хуравлаш* «отвечать друг другу», *танлаш* «сравниваться друг с другом» и др. Как и в случае с формой возвратно-страдательного залога, в некоторых примерах семантика взаимности или совместности полностью отсутствует – *сиплеш* «обходиться без посторонней помощи» от *сипле* «лечить».

Понудительный залог обладает наибольшим количеством формальных показателей в ряду залоговых форм. Такое количество алломорфов связано, во-первых, с диахронией их появления в языке, во-вторых — с некоторыми морфонологическими явлениями. Аффиксы *-т*, *-ам/-ет*, *-ар/-ер* непродуктивны, количество глаголов, от которых они образуют форму залога, ограничено: *вёрент* «учить», *тáрат* «ставить», *пётер* «заканчивать» и др. Аффиксы же *-тар/-тер* (*-ттар/-ттер*), напротив, демонстрируют большую продуктивность: *вёстер* «заставлять летать», *култар* «смешить», *вулаттар* «заставлять читать» и др. Выбор варианта с удвоенной *т* зависит от морфонологических условий – этот алломорф присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные звуки. Значением этой формы является побуждение к совершению действия со стороны другого лица. Традиционно в тюркологической литературе анализ формы понудительного залога выполняется с использованием семантической оппозиции переходность — непереходность глагола основы. В чувашском языке понудительный залог может образовываться как от переходных, так и от непереходных основ: *вырттар* «положить», *пáшáрхантар* «беспокоить», *кастар* «заставлять резать». Встречаются случаи, когда присоединение аффикса понудительного залога дополняет значение глагола семантикой не понудительности, а интенсивности совершения действия: *сиктер* «мчаться галопом», *уттар* «шагать», *илтер* «энергично заниматься чем-либо». В последнем примере, возможно, речь уже идет о чисто деривационном аффиксе.

В чувашском языке распространено и вторичное залогообразование. В качестве второго аффикса в подавляющем большинстве случаев выступает показатель понудительного залога *-тар/-тер* (*-ттар/-ттер*), а в роли первого — показатели всех залогов (возвратно-страдательного, взаимно-совместного и понудительного): *ярáнтар* «катать», *паллаштар* «знакомить», *чётреттер* «заставить дрожать» и др. Иногда вторичное образование залоговых форм происходит при помощи аффиксов возвратно-страдательного и взаимно-совместного залогов: *курнáс* «видеться, встречаться», *пу́старáн* «собираться».

Аффиксы залогов могут иметь и чисто словообразовательную функцию, то есть не вносить в значение глагольной основы никакой залоговой семантики. Эти случаи можно трактовать как лексикализацию грамматических показателей либо как омонимию аффиксов. У некоторых основ в диахроническом аспекте еще можно вычленить формы с залоговыми значениями, но на

современном этапе они уже не являются производными. В роли таких аффиксов чаще всего выступают показатели *-йш/-ёш*. Например: *килёш* «соглашаться» от основы *кил* «приходить», то есть «приходить друг к другу», *тёрйш* «стараться» от основы *тёр* «стоять», то есть «стоять вместе», *пулйш* «помогать» от основы *пул* «быть», то есть «быть вместе», *савён* «радоваться» от основы *сав* «любить», то есть «любить себя».

Значения залоговых форм в чувашском языке, несмотря на их кажущееся несходство, объединяются в одну группу на основании такого семантического признака, как передача определенных связей и отношений между субъектом (или субъектами) и объектом действия. Взаимное значение подразумевает то, что действие производится двумя лицами по отношению друг к другу, совместное значение указывает на совершение действия несколькими лицами одновременно, при понудительном значении одно лицо воздействует на другое с целью выполнения действия (это воздействие при этом может выражаться в разной степени — от принуждения до попустительства), страдательный залог передает значение действия, которое осуществляется над его грамматическим субъектом, при этом фактический производитель действия часто бывает не выражен, значение же возвратного залога указывает на совершение действия в интересах самого лица, то есть он сам в этом случае является как бы и субъектом, и объектом действия.

Участие в совершении действия двух или более лиц либо лица и предмета (в случае с возвратным залогом одно лицо выступает и как субъект, и как объект действия), возможно, повлияло на тесную зависимость значения залога от лексического значения глагольной основы и, соответственно, на валентность этих форм. Именно здесь, по нашему мнению, и лежит причина их нетотальности. Но может ли признак нетотальности указывать на деривационную сущность формы? На наш взгляд — нет. И хотя подобный признак чаще всего встречается в области словообразования, он так же присущ и некоторым словоизменительным формам. Возьмем, к примеру, форму со значением направительности, образуемую аффиксом *-алла/-елле* и охарактеризованную В.И. Сергеевым как «форма, близкая к падежным» [11. С. 185]. Она не является тотальной, то есть не может образовываться от всех существительных чувашского языка. Но никто и никогда не включал ее в ряд словообразовательных форм. Ее словоизменительный характер очевиден, так как никакого нового слова здесь не появляется: *вэрманалла* «по направлению к лесу», *килелле* «по направлению к дому» и др.

Если мы обратимся к материалу других тюркских языков, то увидим практически полное совпадение многих признаков залоговых форм, которые были указаны нами выше. Совпадают в основном и значения этих форм и такие их особенности, как, например, способность глагольных основ присоединять более одного аффиксов залога, лексикализация некоторых основ с залоговыми аффиксами (прежде всего с аффиксом взаимно-совместного залога)

и др. В татарском языке категория залога охарактеризована как «лексико-грамматическая», так как «форманты категории залога могут иметь и лексическое значение» [14. С. 84]. Указывается, что залогообразование в татарском языке не является «всеобъемлющим», а формы залогов «представляют собой сложную систему словоизменительных и словообразовательных категорий» [15. С. 184]. В труде «Теоретическая грамматика турецкого языка» В.Г. Гузева категория залога рассматривается в разделе, посвященном словоизменению глагола. Здесь указывается, что «учение о категории залога в тюркских языках находится на стадии разработки», при этом автор стоит на позиции словоизменительной природы залога в тюркских языках, утверждая дословно следующее: «...залоговые формы представляют собой морфологические средства передачи той или иной разновидности отношений между действиями и связанными с ними предметами» [16. С. 128–129]. Необходимо признать, что в татарском и турецком языках категория залога более продуктивна, чем в чувашском языке, где не приходится говорить о широком распространении этих форм (за исключением понудительного залога).

Что же касается доказательства словообразовательной сущности залога в чувашском языке на основании того, что эти формы могут присоединять деривационный аффикс *-y/-y'*, образующий имена существительные от глагольных основ: *паллашу* «знакомство», *сёнтерү* «победа», то в других тюркских языках это явление также присутствует. Так, в турецком языке могут образовываться отглагольные существительные при помощи аффикса *-ma/-me*: *dondurma* «мороженое» от глагольной основы *dondur* «морозить», *kizartma* «жаркое» от *kizart* «жарить» [17. С. 115] и др. В татарском языке несколько аффиксов, образующих имена существительные от глаголов, могут присоединяться к форме залогов. В частности, к ним относятся аффиксы *-гыч/-геч* (*-кыч/-кеч*), *-ыш/-еш*, *-ма/-мә*: *чагылдыргыч* «отражатель» от *чагылдыру* «отражать», *планлаштырылыш* «планирование» от *планлаштырылу* «планироваться», *бастырма* «прижим» от *бастыру* «подавлять» [18. С. 257–260]. Подобное сочетание аффиксов в формальном плане действительно может вызывать сомнения в реляционном характере залоговых форм, так как в тюркских языках в силу их агглютинативной природы словообразовательные аффиксы не могут следовать после словоизменительных. Но, с другой стороны, это явление имеет чисто формальное свойство, а исключения встречаются в любом языке, даже в тюркских, которые в целом характеризуются четкостью и правильностью своей структуры. При функционально-семантическом подходе словоизменительная природа залоговых форм видна достаточно ярко — очевидно, что при присоединении соответствующих формальных показателей действие, выражаемое первичной основой глагола, остается прежним, например: *сәл* «спасать» — *сәлән* «спасаться, то есть *спасать себя*», *суйла* «выбирать» — *суйлан* «избираться, то есть *быть выбранным другими лицами*», *уç* «открывать» — *уçыл* «открываться, то есть *быть открытым кем-то*»,

сёк «бодать» — сёкеш «бодаться, то есть бодать друг друга», сар «бить» — сарăс «драться, то есть бить друг друга», вёрен «учиться» — вёрент «учить, то есть позволять другому лицу учиться посредством передачи знаний», кул «смеяться» — култар «смешить, то есть делать так, чтобы другое лицо смеялось», си «есть» — ситер «кормить, то есть позволять другому лицу есть посредством предоставления пищи» и т. д.

Заключение

По результатам нашего исследования мы делаем вывод о существовании в чувашском языке отдельной словоизменительной грамматической категории залога, которая конституируется формами трех залогов – возвратно-страдательного, взаимно-совместного и понудительного (основной залог не входит в этот ряд, так как не имеет своего формального показателя). Эта категория не является тотальной, и круг глаголов, которые могут принимать соответствующие аффиксы, достаточно узок (за исключением понудительного залога). Нетотальность форм со значениями залогов обусловлена самой природой этих значений — не каждое действие способно происходить взаимно, совместно или быть возвратным. Однако это свойство категории залога не должно влиять на признание ее словоизменительной сущности, так как значения ее форм не создают какого-либо нового действия.

Список литературы

1. Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1769. 68 с.
2. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань : Типолитография Императорского университета, 1898. XXXIV + 392 + XIX с.
3. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 151–239.
4. Корнилов Г.Е., Холодович А.А., Храковский В.С. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград : Наука, 1969. С. 238–259. EDN: RUOELN
5. Корнилов Г.Е. К вопросу о залогах в чувашском языке. Пассив и рефлексив // Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 44–61. (Труды ЧНИИ. Выпуск 53).
6. Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар : Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1965. 343 с.
7. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. III. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1986. 128 с.
8. Сергеев Л.П. Глаголсен пулăвĕ // Чăваш чĕлхи. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 247–252.
9. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 1 : Морфемика. Морфонология. Словообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2014. 264 с.
10. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 2 : Морфология. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 448 с.
11. Сергеев В.И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 400 с.

12. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва : Наука, 1986. 302 с.
13. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке : опыт сравнительного исследования. Москва : Изд-во восточной лит-ры, 1962. 643 с.
14. *Ганиев Ф.А.* Общая характеристика глагола // Татарская грамматика. Т. II : Морфология. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 72–87.
15. *Зиннатуллина К.З.* Залог глагола // Татарская грамматика. Т. II : Морфология. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 163–184.
16. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с. ISBN: 978-5-288-05614-7 EDN: VQHRFD
17. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
18. *Ганиев Ф.А.* Словообразование // Татарская грамматика. Т. I : Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Основные понятия грамматики. Морфемика. Морфонология. Словообразование. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1995. С. 188–521.

References

1. *Works related to the grammar of the Chuvash language.* 1769. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences. Print. (In Russ.)
2. *Ashmarin, N.I.* 1898. *The materials for the study of the Chuvash language. Part 2. The doctrine of forms (morphology).* Kazan: Imperial University Typolithography. Print. (In Russ.)
3. *Egorov, V.G.* 1957. “The Verb.” *Materials on the grammar of modern Chuvash language. Part I. Morphology.* Cheboksary: Chuvash state publishing, pp. 151–239. Print. (In Russ.)
4. *Kornilov, G.E., A.A. Kholodovich, and Khrakovsky, V.S.* 1969. “The causatives and anticausatives in the Chuvash language.” In *Typology of causative constructions. Morphological Causative.* Leningrad: Nauka publ., pp. 238-259. EDN: RUOELH Print. (In Russ.)
5. *Kornilov, G.E.* 1975. “The voices in the Chuvash language. The passive and reflexive.” In *The Chuvash language and literature. The works of Chuvash research institute. Issue 53.* Cheboksary, pp. 44–61. Print. (In Russ.)
6. *Pavlov, I.P.* 1965. *Khalkhi chăvash literă chělkhî. Morphologi.* Shupashkar: Chăvash ASSR kën. izd-vi. Print. (In Chuv.)
7. *Fedotov, M.R.* 1986. *The Chuvash language in the family of Altaic languages. Part III.* Cheboksary: Chuvash book publishing. Print. (In Russ.)
8. *Sergeev, L.P.* 2012. “Glagolăn pulavë.” *Chăvash chělkhî.* Shupashkar: Chăv. kën. izd-vi, pp. 247–252. Print. (In Chuv.)
9. *Pavlov, I.P.* 2014. *Modern Chuvash language. Vol. 1. Morphemics. Morphology. Word formation.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities publ. Print. (In Russ.)
10. *Pavlov, I.P.* 2017. *Modern Chuvash language. Vol. 2. Morphology.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Print. (In Russ.)
11. *Sergeev, V.I.* 2017. *Morphology of the Chuvash language: inflection, word-formation, form-formation.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities publ. Print. (In Russ.)
12. *Serebrennikov, B.A., and N.Z. Gadzhieva.* 1986. *Comparative-historical grammar of Turkic languages.* Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
13. *Sevortyan, E.V.* 1962. *The affixes of verb formation in the Azerbaijani language. The experience of comparative study.* Moscow: Eastern literature publishing. Print. (In Russ.)
14. *Ganiev, F.A.* 1997. “General characteristics of the verb.” In *Tatar Grammar, vol. II. Morphology.* Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 72–87. Print. (In Russ.)
15. *Zinnatullina, K.Z.* 1997. “The voices of the verb.” In *Tatar Grammar, vol. II. Morphology.* Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 163–184. Print. (In Russ.)

16. Guzev, V.G. 2015. *Theoretical grammar of the Turkish language*. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. ISBN: 978-5-288-05614-7 EDN: VQHRFD Print. (In Russ.)
17. Kononov, A.N. 1956. *Grammar of Modern Turkish Literary Language*. Moscow; Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR publishing. Print. (In Russ.)
18. Ganiev, F.A. 1995. “Word-formation.” In *Tatar Grammar, vol. I. Introduction. Phonetics. Phonology. Prosody. Graphics and orthography. Orthoepy. Basic concepts of grammar. Morphemics. Morphonology. Word formation*. Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 188–521. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лебедев Эдуард Евгеньевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1. ORCID: 0000-0001-7101-5283, eLibrary SPIN-код: 5885-9591. E-mail: edlebed@gmail.com.

Bio note:

Eduard Ev. Lebedev is a Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7101-5283, eLibrary SPIN-code: 5885-9591. E-mail: edlebed@gmail.com.